

Русский язык в европейском ареале

Бауманн Хольгер, Эрфуртский университет, Эрфурт, Германия

holger.baumann@uni-erfurt.de

В настоящем докладе русский язык рассматривается в типологическом плане, точнее говоря, в плане ареальной типологии. С точки зрения ареальной типологии русский язык относится к языкам Европейского языкового союза. Как известно, термином „языковой союз“ обозначается группа языков с общими структурными признаками, которые сформировались на основе языкового контакта (подробнее см. Sternemann/Gutschmidt 1989).

В состав Европейского языкового союза – по Б. Уорфу также Standard Average European (SAE) – входят индоевропейские языки в европейском ареале (кроме кельтского), а также финский, эстонский, венгерский, грузинский и мальтийский языки (ср. Haspelmath 2001). Какие структурные признаки свойственны языкам Европейского языкового союза? В специальной литературе приводятся следующие критерии:

- (1) определённые/неопределённые артикли;
- (2) относительные придаточные предложения с относительным местоимением;
- (3) перфектные конструкции с глаголом ‚have‘;
- (4) экспериенцер является субъектом предложения;
- (5) пассивные конструкции с страдательным причастием;
- (6) антикаузативные глаголы;
- (7) кодирование „посессоров“ при помощи отдельной именной группы в дательном падеже;
- (8) сочетание отрицательного местоимения с глаголом без глагольного отрицания;
- (9) компаративные конструкции с частицей;
- (10) эквативные конструкции с относительным наречием;

- (11) личные морфемы как показатели строгого согласования глагола с субъектом предложения;
- (12) формальное различие интенсификаторов и возвратных местоимений
(ср. Haspelmath 2001).

Приведённые критерии далее рассмотрим по отношению к русскому языку – в сопоставлении с немецким и с чешским языками.

Определённые/неопределённые артикли встречаются только в немецком языке:

der/ein Junge, die/eine Tür, das/ein Haus.

В русском и в чешском языках нет артикля.

Определённость/неопределённость существительного передаётся другими языковыми средствами, например, лексическими:

этот/один мальчик, эта/одна книга, это/одно пальто;

ten/jeden chlapeц, ta/jedna kniha, to/jedno dítě.

Относительные придаточные предложения с относительным местоимением свойственны русскому, а также немецкому и чешскому языкам:

Он знал, что нужно делать.

Es geschah, was geschehen musste.

Vyhráli, což nikdo nečekal.

Употребление глагола ‚have‘ в качестве вспомогательного глагола/связки в перфектных конструкциях типично для немецкого и чешского языков:

Ich habe den Brief geschrieben. (перфект 1)

Mám dopis napsán. (перфект 2; „результатив“)

В русском языке глагол ‚have‘ не употребляется как вспомогательный глагол/связка:

Ich habe den Brief geschrieben. Я написал письмо. Napsal jsem dopis.

Mám dopis napsán. Письмо написано (мною). Der Brief ist (von mir) geschrieben.

В языках Европейского языкового союза переживания, самочувствие, состояние здоровья и т. п., как правило, выражаются конструкцией, в которой экспериенцер является субъектом предложения. Конструкции данного типа встречаются тоже в немецком языке:

Ich friere. Ich habe Hunger. Ich habe Kopfschmerzen. Ich bin müde. Ich mag das Lied.

Рядом с этим нередко употребляются конструкции, в которых экспериенцер является объектом предложения:

Mir ist kalt. Mich friert (устар.). Mir tut der Kopf weh. Das Lied gefällt mir. Es tut mir leid.

В чешском языке встречаются субъектные конструкции, а — в значительной мере — также объектные конструкции:

Mrznu. Je mi zima. Mám hlad. Bolí mě hlava. Jsem unavený. Mám rád tu píseň. Líbí se mi ta píseň. Je mi líto.

В русском языке преобладают объектные конструкции:

Мне холодно. Мне хочется есть. Мне хочется спать. Люблю эту песню. Мне нравится эта песня. Мне жаль. Меня знобит. Ребёнок лихорадил (устар.). Его лихорадило.

Кроме этого, в русском языке существуют адвербиальные конструкции с предлогом „у“:

У меня болит голова. У меня ломит спину. У меня мёрзнут руки.

В русском, а также в немецком и в чешском языках есть пассивные конструкции с страдательным причастием:

Окно было закрыто.

Das Fenster war geschlossen.

Okno bylo zavřeno.

Характерный признак всех трёх языков – антикаузативные глаголы. В корреляции „инхоативный глагол – каузативный глагол“ каузативный глагол является деривационным базисом для образования инхоативного глагола:

измениться (от „изменить“), sich verändern (от „verändern“), změnit se (от „změnit“);

открыться (от „открыть“), sich öffnen (от „öffnen“), otevřít se (от „otevřít“).

В русских предложениях „Он наступил ей на ногу. Она мыла ребёнку голову. Он сломал себе руку.“ „посессор“ кодируется при помощи отдельной именной группы в дательном падеже. Такая же конструкция типична и для немецкого и чешского языков:

Er trat ihr auf den Fuß. Sie wusch dem Kind die Haare. Er brach sich den Arm.

On šlapl ji na nohu. Ona myla dítěti vlasy. On zlomil si ruku.

Сочетание отрицательного местоимения с глаголом без глагольного отрицания встречается только в немецком языке:

Niemand kam. Er weiß nichts.

В русском и в чешском языках отрицательное местоимение сочетается с глаголом + глагольное отрицание:

Никто не пришёл. Он ничего не знает.

Nikdo nepřišel. On nic neví.

Компаративные конструкции с частицей и эквативные конструкции с относительным наречием распространены во всех трёх языках:

Мой брат моложе чем я. Mein Bruder ist jünger als ich. Můj bratr je mladší než já.

Он такой же большой, как я. Er ist so groß wie ich. Je tak velký jako já.

В немецком языке личные морфемы являются только средством сочетания глагола с субъектом предложения. Они сами не могут быть носителем референции. В предложениях „Wohin gehst Du? Ich gehe in die Stadt.“ личные местоимения не могут опускаться.

В русском языке личные морфемы сами могут быть носителем референции. Личные местоимения могут опускаться (в частности, в конструкциях первого и второго лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени; в прошедшем времени нет личных морфем):

Куда идёшь? Иду в город.

В чешском языке личные местоимения, как правило, опускаются (они употребляются только тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть субъект предложения):

Kam jdeš? Jdu do kina. Kam jste jel? Jel jsem do Prahy.

Признак формального различия интенсификаторов и возвратных местоимений относится ко всем трём языкам:

сам (интенсификатор, определительное местоимение) – себя (возвратное местоимение), selbst – sich, sám – se;

Он сам себя судил. Er hat sich selbst gerichtet. Soudil sám sebe.

Краткий вывод:

<u>Структурные признаки языков SAE</u>	<u>Русск. яз.</u>	<u>Нем. яз.</u>	<u>Чешск.яз.</u>
Определённые/неопределённые артикли	-	+	-
Относительные придаточные предложения с относительным местоимением	+	+	+
Перфектные конструкции с глаголом ‚have‘	-	+	+
Экспериенцер – субъект предложения	-	(+)	(+)
Пассивные конструкции с страдательным причастием	+	+	+
Антикаузативные глаголы	+	+	+
Кодирование „посессоров“ при помощи отдельной именной группы в дат. падеже	+	+	+
Сочетание отрицательного местоимения с глаголом без глагольного отрицания	-	+	-

Компаративные конструкции с частицей	+	+	+
Эквативные конструкции с относительным наречием	+	+	+
Личные морфемы как показатели строгого согласов. глагола с субъектом предложения	(-)	+	-
Формальное различие интенсификаторов и возвратных местоимений	+	+	+

Судя по приведённым критериям, русский язык более или менее относится к периферии Европейского языкового союза. Об этом свидетельствуют и следующие факты:

Глагол ‚have’ (переходн.) в русском языке употребляется в конструкциях типа „Я имею деньги. Я имею мотоцикл. Я имею друзей. Я имею детей.“ (со значением „обладать кем-чем-н.“). Кроме этого, встречаются более или менее книжные обороты: иметь честь, иметь слово, иметь значение, иметь желание, иметь способность, иметь возможность, иметь цель, иметь задачу.

В немецком и в чешском языках глагол ‚have’ употребляется ещё в других функциях (ср. также Isačenko 1974).

В немецком и в чешском языках глагол ‚have’ употребляется со значением „держать (взять в руки, не выпускать)“:

die Tasche in der Hand haben, das Kind im Arm haben, die Hände in den Taschen haben;

mít v ruce tašku, mít dítě v náručí, mít ruce v kapsách.

В русском языке глагол ‚have’ не употребляется с этим значением:

держат сумку в руке, держать ребёнка на руках, держать руки в карманах.

Глагол ‚have’ в немецком и в чешском языках встречается в конструкциях со значением „быть одетым во что-н.“:

eine Jacke anhaben, ein Kleid anhaben, einen Mantel anhaben;

mít na sobě kabát, mít na sobě šaty, mít na sobě plášť.

В русском языке нет конструкций данного типа:

(на+предл.п.+быть) куртка, платье, пальто.

В чешском и в немецком языках глагол ‚have‘ употребляется также в выражениях, касающихся обхождения с другими лицами:

mít za blázna, mít k práci;

zum Narren haben (halten), zur Arbeit anhalten.

Русск.: считать дураком, приучать к работе.

В немецком и в чешском языках личные свойства (внешние, внутренние качества) передаются конструкцией с глаголом ‚have‘:

blaue Augen haben, eine schöne Stimme haben, kurzes Haar haben, ein ruhiges Gewissen haben, ein gutes Herz haben;

mít modré oči, mít krásný hlas, mít krátké vlasy, mít čisté svědomí, mít dobré srdce.

В русском языке здесь нет подобной конструкции:

(у+род.п.+быть) синие глаза, красивый голос, короткие волосы, чистая совесть, доброе сердце.

Для выражения физических и психических состояний в немецком и в чешском языках употребляются сочетания с глаголом ‚have‘ (см. также экспериенцер):

Husten haben, Fieber haben, Hunger haben, Angst haben, Lust haben, gute Laune haben;

mít kašel, mít horečku, mít hlad, mít strach, mít chut’, mít dobrou náladu.

В русском языке физические и психические состояния выражаются иначе:

(у+род.п.+быть) кашель, жар, хорошее настроение; быть голодным;

(дат.п.+быть) страшно; (дат.п.) хочется.

Глагол ‚have‘ в немецком и в чешском языках встречается в конструкциях, обозначающих участие в каких-н. действиях, событиях, мероприятиях:

Unterricht haben, Vorlesung haben, Seminar haben, Prüfung haben, (Unterricht im Fach) Russisch haben;

mít vyučování, mít přednášku, mít seminář, mít zkoušku, mít ruštinu.

В русском языке глагол ‚have‘ не употребляется со значением „принимать участие в чём-н.“:

(у+род.п.+быть) занятия, лекция, семинар, экзамен, русский язык.

В немецком и в чешском языках „существование“ передаётся глаголом ‚be‘, а также глаголом ‚have‘:

Heute ist schönes Wetter. Heute haben wir schönes Wetter.

Heute ist Mittwoch. Heute haben wir Mittwoch.

Dnes je hezké počasí. Dnes máme hezké počasí.

Dnes je středa. Dnes máme středu.

В русском языке нет ‚have‘-конструкции для выражения „существования“:

Сегодня хорошая погода. Сегодня среда.

Глагол ‚have‘ в немецком и в чешском языках может быть включён в конструкцию с прилагательным (наречием):

es eilig haben, es nötig haben, es weit haben, es satt (genug) haben;

mít naspěch, mít zapotřebí, mít daleko, mít dost.

Аналогичных конструкций в русском языке нет:

(дат.п.+быть) к спеху, нужно, далеко; (дат.п.) надоело.

Как было отмечено выше, глагол ‚have‘ в немецком и в чешском языках употребляется как вспомогательный глагол/связка (см. перфектные конструкции с глаголом ‚have‘).

Не в последнюю очередь следует указать и на употребление глагола ‚have‘ как модальный глагол в чешском и в немецком языках:

Máš odpovídat. Nemáš kouřit.

Du hast zu antworten. Du sollst nicht rauchen.

Русск.: Тебе следует отвечать. Ты не должен курить.

Многофункциональное употребление глагола ‚have’ (включая его употребление как вспомогательный глагол/связка) характерно для романских языков, для германских языков, для чешского, словацкого языков и др. Большинство языков в европейском ареале относится к „языкам обладания“ („have-languages“). В отличие от этого, большинство языков мира – в том числе финно-угорские, восточные индоевропейские языки – относится к „языкам бытия“ („be-languages“; к данной терминологии ср. Isačenko 1974, Арутюнова 1999). Русский язык – язык бытия, для него характерно многофункциональное употребление глагола ‚be’ (ср. Арутюнова 1999: 754-791). Глагол ‚have’ в русском языке употребляется с целым рядом рестрикций.

Находясь на периферии Европейского языкового союза, русский язык, как язык бытия, оказывается мостом, связывающим языки обладания Европы с языками бытия мира.

Литература

- Арутюнова, Н. Д.: Язык и мир человека. Москва 1999 (Часть IX: Пространство и бытие, с. 737-792)
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.: Толковый словарь русского языка. Москва 1992
- Filipeš, J., Daneš, F.: Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha 1998
- Haspelmath, M.: The European linguistic area: Standard Average European. В кн.: Language Typology and Language Universals. Eds. M. Haspelmath, E. König. Volume 2. Berlin/New York 2001, с. 1492-1510
- Isačenko, A. V.: On ‚have’- and ‚be’-languages. В кн.: Slavic Forum. Ed. M. S. Flier. The Hague/Paris 1974, с. 43-77
- Paul, H.: Deutsches Wörterbuch. Tübingen 2002
- Sternemann, R., Gutschmidt, K.: Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Berlin 1989